

Perepelkin, Michail Anatol'jevič

Из "биографии" Семёна Семёновича Говядина : А. Н. Толстой и Л. Н. Андреев

Opera Slavica. 2021, vol. 31, iss. 1, pp. 39-52

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/OS2021-1-5>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/144198>

License: [CC BY-SA 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Access Date: 19. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Из «биографии» Семёна Семёновича Говядина: А. Н. Толстой и Л. Н. Андреев

From “Biography” of Semyon Semyonovich Govyadin: A. N. Tolstoy and L. N. Andreev

Михаил Анатольевич Перепелкин

(Самара, Россия)

Абстракт:

В статье рассматривается несколько критических откликов самарцев-современников Л. Н. Андреева на его произведения, а также анализируется творческий диалог с писателем, который ведёт на страницах своей трилогии «Хождение по мукам» его младший современник, уроженец Самарской губернии А. Н. Толстой. Анализ критических статей А. А. Бострома и А. А. Смирнова (Треплева), а также нескольких самарских эпизодов трилогии А. Н. Толстого позволяет сделать вывод о том, что критическое переосмысление идей Л. Н. Андреева и поколения его ценителей-современников легло в основу создания образа одного из героев самарских эпизодов «Хождения по мукам» — Семёна Семёновича Говядина.

Ключевые слова:

Л. Н. Андреев; Самара; А. А. Бостром; А. А. Смирнов (Треплев); А. Н. Толстой; «Хождение по мукам»; Говядин; «Бездна»; творческий диалог

Abstract:

The article examines several critical responses of L. Andreev’s contemporaries from Samara to his works, as well as analyzes the creative dialogue with the writer, who leads his younger contemporary from Samara A. Tolstoy on the pages of his trilogy “The Road to Calvary”. The analysis of the critical articles by A. Bostrom and A. Smirnov (Treplev), as well as several Samara episodes of the Tolstoy trilogy, allows us to conclude that

the critical rethinking of the ideas of A. Tolstoy. Andreev and generations of his connoisseurs-contemporaries formed the basis for creating the image of one of the heroes of Samara episodes “The Road to Calvary”—Semyon Semyonovich Govyadin.

Key words:

L. Andreev; Samara; A. Bostrom; A. Smirnov (Treplev); A. Tolstoy; “The Road to Calvary”; Govyadin; “Gap”; creative dialogue

«„Начинаются времена Леонида Андреева“, — можно было бы сказать о пережитом уже нами первом десятилетии XX века», — читаем в вышедшей в 1914 году книге В. Львова-Рогачевского «Две правды. Книга о Леониде Андрееве»¹. Сказать так у автора книги были все основания: совсем недавно «пережитое уже» им самим, и его современниками первое десятилетие XX века стало для самого Леонида Андреева десятилетием бурного творческого развития, а для его читателей — временем жарких споров, согласий и несогласий с автором «Бездны» и «В тумане», «Красного смеха» и «Жизни Василия Фивейского», а ещё — «Тьмы», «Рассказа о семи повешенных», «Иуды Искарота», «Анатэмы» и многих других произведений, каждое из которых встречалось с самым горячим интересом, вызывало дискуссии и рассматривалось в значении, далеко выходящем за рамки собственно литературной полемики между писателем и читателями и читателей друг с другом. Любопытно, что в ходе этой полемики, в поле которой попадали самые разные вопросы, касающиеся многих поднятых писателем проблем, постепенно прояснились черты самого «пережитого... первого десятилетия XX века» — черты, хоть и близкие, но не совсем отчётливо различимые самим современникам Андреева, которые, таким образом, в спорах о нём и о его творчестве прояснили для самих себя, что в окружающем их мире уже стало днём вчерашним, что ещё может быть признано сегодняшним, а что, может быть, — и завтрашним днём. Предметом рассмотрения в данной работе будут несколько критических отзывов современников 1905–1914 гг., объединённых «географическим» фактором — все они или принадлежат самарцам, или — увидели свет в Самаре, — в той самой Самаре, где происходит действие ещё одного произведения, написанного не Л. Н. Андреевым, а одним из его младших современников, которое также может рассматриваться в качестве своеобразной «прогулки» с Андреевым по волжскому берегу вблизи Самары. Впрочем, обо всём — по порядку.

1 L'VOV-ROGAČEVSKIJ, V.: *Dve pravdy. Kniga o Leonide Andrejeve*. Sankt-Peterburg: Knigoizdatel'stvo «Prometej» N. N. Michajlova, 1914, s. 2.

В декабре 1903 года на страницах журнала «Образование» увидела свет принадлежащая перу А. А. Бострома статья «Что говорит родительскому сердцу рассказ Андреева „В тумане“?».

Автор статьи, А. А. Бостром, жил в это время в Самаре, владел городской усадьбой на Саратовской улице, был членом самых разных общественных организаций и движений, среди которых не последнее место принадлежало получившему широкую известность Семейно-педагогическому кружку, пробовал свои силы как публицист и педагог.

Статья Бострома состоит из трёх частей, в первой из которых её автор замечает, что «рассказ Андреева пробил брешь в нашем лицемерном благочестии» и что «нельзя больше прятать голову, приходится взглянуть злу прямо в глаза»: «Попробуем же это сделать, попробуем сказать ясно: в чём заключается зло, где его источники и чем должны мы с ним бороться?»². Поставив так вопрос об источнике зла, автор сам же на него и отвечает: «Итак, из числа причин психического свойства, основною, доминирующею причиной невоздержанности юношества надо считать смутность нравственных начал, неправильность многих из них, и отсутствие в них систематики, словом, беспорядок того умственного багажа, который юношество получает в наследие от предшествующего поколения»³. Во второй части статьи А. А. Бостром обратился к самому андреевскому рассказу, который, по его словам, он не в состоянии читать хладнокровно, так как «при перечитывании ему трудно оградить глаза от натиска застилающей их дымки»⁴. «Кто же это такой, этот двойной преступник — убийца и самоубийца?»⁵, — снова задаётся вопросом автор статьи. «В Павле мы видим все задатки незаурядной натуры, требующей или полной правды и прямолинейных принципов, или вовсе никаких [...] Всё остальное: убийство и самоубийство — только логичные последствия той душевной прострации, когда естественным делается всё противоестественное»⁶. Наконец в третьей части ставится третий и последний — педагогический — вопрос: «Что же должны делать родители для борьбы со злом, составляющим предмет нашего исследования?»⁷. Ответ на этот вопрос представляется автору статьи лежащим на поверхности: «Если главная причина зла заключается в бессистемности наших моральных идей, то выяснение

2 BOSTROM, A.: *Čto govorit roditel'skomu serdcu rasskaz Andrejeva «V tumane»?* *Obrazovanije*, 1903, № 12, s. 63.

3 Там же, с. 71.

4 Там же.

5 Там же, с. 72.

6 Там же, с. 73–74.

7 Там же, с. 76.

моральных принципов и привидение их в систему, очевидно, должно быть первой нашей задачей». «Распахните вашу горячую грудь, — завершает статью А. А. Бостром. — Слов, пожалуй, и не надо»⁸.

Итак, рассказ Л. Андреева был прочитан его критиком «родительским сердцем» (к слову, Бостром родился в 1852 году и был, таким образом, старше Андреева на 19 лет, то есть мог бы вполне приходиться ему отцом), и это «родительское сердце» подсказало автору статьи, что виной всех бед, на которые отреагировал автор «В тумане» надо считать «беспорядок того умственного багажа, который юношество получает в наследие от предшествующего поколения». Говорить о «беспорядке умственного багажа», переданного в «наследие» юношеству у А. А. Бострома были все основания, так как именно на это время пришлось первые серьёзные разногласия между ним и его пасынком — А. Н. Толстым, два года назад окончившим Самарское реальное училище и ставшим студентом Петербургского технологического института. Впереди отношения отчима с пасынком ожидали и гораздо более тяжкие испытания⁹, но прелюдия их — уже состоялась, и «родительское сердце» недоумевающего и обиженного отчима отреагировало на эту прелюдию по-своему, попытавшись разобраться в причинах охлаждения к нему со стороны горячо любимого Лёли (домашнее имя А. Н. Толстого) через внимательное прочтение и анализ андреевского рассказа.

Но вот прошло ещё полтора года, и в 1905 году, в пяти номерах «Русской мысли», увидела свет большая работа ещё одного самарца А. А. Смирнова (Треплева) «Разорённая жизнь. Рассказы Л. Андреева с точки зрения жизненной эволюции»¹⁰, ставшая одной из первых больших критических работ, посвящённых писателю¹¹.

8 Там же, с. 83. Как установил в своё время Ю. М. Оклянский, в это же время А. Н. Толстой также написал рецензию на этот рассказ Л. Андреева, которая, хоть и осталась не опубликованной, но была точнее бостромовской: «Толстой в рецензии разделяет основную мысль и многие доводы статьи Бострома, присланной в Петербург ещё весной в рукописи. Но проявляет гораздо большую широту и точность оценок. В очень благородных, увлечённых, пересыпанных умными цитатами рассуждениях отчима часто недоставало одного — трезвости в понимании происходящего» (OKLJANSKIJ, Ju. M.: *Šumnoje zacholust'je. Iz žizni dvuch pisatelej*. Kujbyšev: Kujbyševskoje knižnoje izdatel' stvo, 1982, s. 253).

9 О некоторых из них см. здесь: PERPELKIŃ, M. A.: «*D'javol'ski čestoljubiv*»: ob odnoj karakteristike doktora Bulavina. V interesach goroda — v interesach každygo — 2019. Materialy III otkrytoj gorodskoj naučno-praktičeskoj konferencii. Saransk: Partner, 2019, s. 13–25.

10 TREPLEV, A.: *Razorennaja žizn'. Rassказы L. Andrejeva s točki zrenija žiznennoj èvoljucii*. Russkaja mysl', 1905, № 4, otdel 2-j, s. 1–23; № 5, otdel 2-j, s. 41–73; № 6, otdel 2-j, s. 90–110; № 9, otdel 2-j, s. 103–133; № 11, otdel 2-j, s. 21–53.

11 Судим об этом по тому списку публикаций о творчестве Л. Н. Андреева, который приводит В. Львов-Рогачевский: L'VOV-ROGAČEVSKIJ, V.: *Dve pravdy. Kniga o Leonide Andrejeve*.

А. А. Смирнов (Треплев) родился в 1864 году, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и с середины 1880-х гг. жил в Самаре и служил вначале помощником присяжного поверенного, а потом содержал собственную нотариальную контору. В середине 1890-х гг. сначала самарский, а чуть позже и российский читатель познакомился со стихами и литературно-критическими статьями А. А. Смирнова, публиковавшимися под псевдонимами «Аргунин» и «Треплев». Среди героев последних были А. П. Чехов, М. Горький, Н. Тимковский, В. Г. Короленко, Ф. Сологуб, А. Фет и некоторые другие, ряд литературно-критических «этюдов» А. А. Смирнова (Треплева) увидел свет в виде отдельных изданий, выходявших в Москве, в типографии В. М. Саблина¹². Осенью 1901 года у А. М. Горького в Нижнем Новгороде произошло знакомство А. А. Смирнова с Л. Н. Андреевым, положившее начало их творческому диалогу и личной дружбе («Осенью 1901 года, когда мы сидели за утренним самоваром, часов в 10, и слушали, как Степан (Скиталец) играл на гусях и тихо гудел с самарским гостем любимую хозяином песню „Чесал милый кудри...“ первым посетителем позвонился молодой человек с красивым южным лицом брюнета, скромно «спрашивая» в прихожей Алексея Максимовича. В потертой шубе, с длинными и густыми черными волосами, падавшими на порыжелый воротник, он производил впечатление регента церковного хора. „Андреев, Леонид Николаевич, — рекомендовал его Горький. И добавил тихо, на ухо соседу: Судебный репортер в «Курьере»... очень талантлив...»¹³).

Sankt-Peterburg: Knigoizdatel'stvo «Prometej» N. N. Michajlova, 1914, s. 221–232. В эти же годы публикации о творчестве Л. Н. Андреева продолжали появляться и на страницах самарских изданий. Так, в феврале 1905 года на страницах «Самарской газеты» за подписью «Пав. Чинский» была опубликована статья Э. И. Павчинского «Заметки читателя. „Красный смех“». В посвящённой Л. Андрееву публикации Э. И. Павчинский сосредоточился на одном рассказе писателя — «Красный смех», подчеркнув, что, оставив в стороне вопросы о причинах войны, о её целесообразности и т. п., Андреев «прямо переходит к изображению её ужасов, её жестокости» (PAVČINSKIJ, È. I.: *Zametki čitatelja. «Krasnyj smeč»*. Samarskaja gazeta, 1905, № 42, 23 fevralja, s. 2); «и вам, как и герою Андреева, кажется, что вы видите эту пасть, из которой вырывается этот адский, этот ужасный хохот. Вы стараетесь заглушить его, но напрасно. Сильный, раскатистый, порою грозный и адский, порою тихий и заунывный, как погребальный звон, — несётся этот смех возле вашего уха. И звучит, неотступно звучит. Точно в нём слилось всё человеческое горе, все человеческие слёзы» (Там же, с. 3).

- 12 Полный библиографический список сочинений А. А. Смирнова см. здесь: SMIRNOV (TREPLEV), A.: *Teatr duš. Stichi. Kritičeskije ètjudy. Vospominanija. Pis'ma*. Samara: Izdatel'stvo «Samarskij universitet», 2006, s. 477–484.
- 13 SMIRNOV (TREPLEV), A.: *Kak Maksim Gor'kij načal svoju kar'jeru. Žizn' v Samare*. Bjuulleteni literatury i žizni, 1913, № 3. То же: SMIRNOV (TREPLEV), A.: *Kak Maksim Gor'kij načal svoju kar'jeru*. Rul', 1913, № 424, 9 sentjabrja.

Начав свою работу об Андрееве с констатации того, что тот «не бытописатель в обычном смысле этого слова, т. е. не фотограф жизни, закрепляющий в правдиво-поверхностных снимках видимую зыбь-рябь „житейского волнения“», Смирнов констатирует, что, тем не менее, от рассказов г. Андреева «не оторвешься»: «„Необычайное“ приковывает к себе; от „странного“ веет силой подлинной жизни; и чем далее читаешь эти не бытовые очерки, тем все шире и яснее разворачивается картина современности, и делается понятно, почему она такая, а не иная. Подобного результата автор достигает благодаря тому, что, не гоняясь за возможно широким количественно обхватом жизненных явлений или за кропотливо-точным описанием их, он старается выяснить внутреннюю подкладку этих явлений, — подпочву жизни современного человека, вместо детального изображения частей механизма он объясняет принцип его, постигнув который легко понять назначение отдельных частей и смысл работы как их, так и всего целого; в частности, он разоблачает психофизиологические и биологические пружины жизни»¹⁴.

«Не внешняя, а *внутренняя типичность* интересует молодого автора»¹⁵, — подчёркивает Смирнов, пеняя тем критикам андреевской «Бездны», «которые особенно упирали на исключительность, редкость, неправдоподобность изображенная в этом рассказе происшествия, т. е. что оно случается именно в такой форме не каждый день, и слишком мало обратили внимания на поразительное соответствие рассказанного внутренней правде»¹⁶: «Таким близоруким судьям не лишнее также вспомнить о Достоевском. Вот уж совсем негодный, неверный действительности, выдумщик-писатель! Его рассказы и романы — набор “совершенно невероятных происшествий”, попирающих всю логику обыденщины, — набор, переходящий по временам в какой-то бред, так что читатель не знает, наяву все это сцепление событий было, или это только тяжелый сон героя романа [...] И, тем не менее, кто же из русских, а может быть, и из иностранных писателей, глубже проник в человеческую душу, кто вернее и правдивее описал человека и жизнь, как не Достоевский?..»¹⁷.

Итак, наследуя Достоевскому, «молодой автор» Андреев, согласно Смирнову, сосредоточился на анализе «внутренней подкладки» современной души, выяснив при этом, что последняя «искривлена на один бок, дисгармонична, несимметрична»¹⁸.

14 TREPLEV, A.: *Razorennaja žizn'. Rasskazy L. Andrejeva s točki zrenija žiznnoj èvoljucii*. Russkaja mysl', 1905, № 4, otdel 2-j, s. 1.

15 Там же, с. 2.

16 Там же.

17 Там же.

18 Там же, с. 7.

Критик Смирнов был старше «молодого автора» Андреева на семь лет и, всматриваясь теперь в его сочинения, от которых «не оторвёшься», он всматривался в несколько чуждую для него «искривлённую» современность, которую автор «Бездны» и других рассказов и пьес не делал прямее или гармоничнее, но делал более понятной и тем самым — менее страшной. «Современная душевная дисгармония, происшедшая от узурпаторства и тирании интеллекта [...] отражается отрицательно на всем существе человека, и, прежде всего, на самом интеллекте, который своей ненормально-обостренной работой разрушает, отравляет все вокруг и сам разрушается, самоотравляется. Больная мысль символизирована в прокаженном. Но та же дисгармония, те же язвы и трещины поражают не только сознательное, но, идя глубже, — и бессознательное, „большой разум“, то, что Ницше назвал: „само“. И это „само“ чахнет и умирает, как бы не перенесла недуга „разорения“»¹⁹.

В следующем, 1906-м, году в журнале «Образование» увидела свет ещё одна работа А. А. Смирнова (Треплева), посвящённая пьесе Андреева «Савва»²⁰. По его мнению, герой «Саввы» — «живая личность, сын времени»; именно в этом заключается, по мнению критика, причина успеха пьесы у зрителей, — успеха, в котором нет ничего удивительного, ведь такой же «живой личностью» и «сыном времени», чутко реагирующим на всё происходящее, является и её автор, «мятущимся сердцем» отзывающийся на «это познание „правды жизни“».

Завершая эту часть работы, скажем также о том, что известны два письма Л. Н. Андреева к А. А. Смирнову — от 3 марта 1908 года и 27 января 1913-го²¹, и очерк последнего «У Леонида Андреева»²², написанный весной 1909 года по горячим следам после поездки Смирнова в Ваммельсуу, где размещалась дача Андреева. Сохранились также устные воспоминания дочери А. А. Смирнова М. А. Николаевской о приезде Л. Н. Андреева в гости к её отцу в Самару²³.

19 TREPLEV, A.: *Razorennaja žizn'. Rasskazy L. Andrejeva s točki zrenija žiznennoj èvoljucii*. Russkaja mysl', 1905, №9, otdel 2-j, s. 124–125.

20 TREPLEV, A.: *Iz žizni i literatury. Tragedija anarchizma («Savva» L. Andrejeva. «Znanije»). XI*. Obrazovanije, 1906, № 11, 2-j otdel, s. 79–87.

21 Первое из писем впервые опубликовано здесь: SMIRNOV (TREPLEV), A.: *Teatr duš. Stichi. Kritičeskije ètjudy. Vospominanija. Pis'ma*. Samara: Izdatel'stvo «Samarskij universitet», 2006, s. 409; фрагмент из второго впервые опубликован в «Литературном наследстве» (*Gor'kij i Leonid Andrejev. Neizdannaja perepiska. Literaturnoje nasledstvo*. Tom 72. Moskva: Nauka, 1965, s. 537–538), републикован здесь: SMIRNOV (TREPLEV), A.: *Teatr duš. Stichi. Kritičeskije ètjudy. Vospominanija. Pis'ma*. Samara: Izdatel'stvo «Samarskij universitet», 2006, s. 413–414.

22 См.: Там же, с. 224–234.

23 Там же, с. 47–48. Некоторые косвенные свидетельства о факте приезда Андреева в Самару к Смирнову сообщил нам также правнук последнего М. С. Крицкий при встрече в феврале

Но вот прошло ещё полтора десятка лет, и читатель андреевских «В тумане», «Красного смеха», «Катерины Ивановны» должен был вспомнить и о них, и о других сочинениях бывшего кумира, и не просто вспомнить, но и осуществить своего рода ревизию своих прежних взглядов. А заставил его это сделать тот самый Алексей Н. Толстой, отчим которого, А. А. Бостром, был одним из первых самарцев, «родительское сердце» которого когда-то так чутко отреагировало на выход одного из рассказов Л. Н. Андреева.

В 1919–1921 гг. находящийся в эмиграции А. Н. Толстой написал роман «Хождение по мукам», превратившийся позже в первую часть одноимённой трилогии, роман «Сёстры». Среди прочих в этом романе есть и несколько «самарских» эпизодов, в которых писатель возвращается в город своей юности, выводит персонажей, списанных с самарцев, описывает хорошо знакомые ему самарские реалии и т. д. Действие одного из этих эпизодов происходит летом 1914 года, накануне войны: к Даше Булавиной, которая гостит у отца в Самаре, приходит земский статистик Говядин, зовущий её на прогулку за Волгу. Далее Говядин и Даша идут по волжскому берегу, и вот на этом эпизоде следует остановиться особо:

«Даша подумала: „Итак, всё кончилось статистиком Говядиным“, — взяла белый зонтик и пошла за Семёном Семёновичем вниз к Волге, к пристани, где стояли лодки. Между длинных дощатых барачков с хлебом, бунтов леса и целых гор из тюков с шерстью и хлопком бродили грузчики и крючники, широкоплечие, широкогрудые мужики и парни, босые, без шапок, с голыми шеями. Иные играли в орлянку, иные спали на мешках и досках; вдалеке человек тридцать с ящиками на плечах сбегали по зыбким сходням. Между телег стоял пьяный человек, весь в грязи и пыли, с окровавленной щекой, и, придерживая обеими руками штаны, ругался лениво и матерно. „Этот элемент не знает ни праздников, ни отдыха, — наставительно заметил Семён Семёнович, — а вот мы с вами, умные и интеллигентные люди, едем празднично любоваться природой“. И он перешагнул через огромные босые ноги грудастого и губастого парня, лежавшего навзничь; другой сидел на бревне и жевал французскую булку. Даша слышала, как лежащий сказал ей вслед: „Филипп, вот бы нам такую“. И другой ответил с набитым ртом: „Чиста очень. Возни много“»²⁴.

2020 года (см.: PELKIN, M.: *Kuda tečej Volga*. Kul'tura. Svezajaja gazeta, 2020, № 4 (177), fevral', s. 22–23).

24 TOLSTOJ, A. N.: *Sobranije sočinienij: v 10 t.* Tom 5. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1983, s. 91–92.

А теперь приведём два фрагмента из рассказа Л. Н. Андреева «Бездна», с нашей точки зрения, отозвавшиеся эхом в рассматриваемом эпизоде «Хождения по мукам»:

«Показались люди — две женщины, сидевшие на краю глубокой глиняной ямы; одна сидела, заложив ногу за ногу, и пристально смотрела вниз; головной платок приподнялся, открывая космы путаных волос; спина горбилась и втягивала вверх грязную кофту с крупными, как яблоки, цветами и распустившимися завязками. На проходящих она не взглянула. Другая женщина полулежала возле, закинув голову. Лицо у нее было грубое, широкое, с мужскими чертами, и под глазами на выдавшихся скулах горели по два красных кирпичных пятна, похожих на свежие ссадины. Она была еще грязнее, чем первая, и смотрела на идущих прямо и просто. Когда они прошли, она запела густым, мужским голосом: „Для тебя одного, мой любезный, Я, как цвет ароматный, цвела...“. „Варька, слышишь?“ — обратилась она к молчаливой подруге и, не получив ответа, громко и грубо захохотала. Немовецкий знал таких женщин, грязных даже тогда, когда на них было богатое и красивое платье, привык к ним, и теперь они скользнули по его взгляду и, не оставив следа, исчезли. Но Зиночка, почти коснувшаяся их своим коричневым скромным платьем, почувствовала что-то враждебное, жалкое и злое, на миг вошедшее в её душу»²⁵.

А это — второй фрагмент:

«На поляне, где было светлее, сидели около опорожненной бутылки три человека и молча, выжидательно смотрели на подходящих. Один, бритый, как актёр, засмеялся и свистнул так, как будто это значило: „Ого!“. Сердце у Немовецкого упало и замерло в страшной тревоге, но, будто подталкиваемый сзади, он шёл прямо на сидящих, около которых проходила тропинка. Те ждали, и три пары глаз темнели неподвижно и страшно. И, смутно желая расположить к себе этих мрачных, оборванных людей, в молчании которых чувствовалась угроза, указать на свою беспомощность и разбудить в них сочувствие, он спросил: „Где пройти к заставе? Здесь?“ Но они не ответили. Бритый свистнул что-то неопределённое и насмешливое, а другие двое молчали и смотрели с тяжёлой, зловещей пристальностью. Они были пьяны, злы, и им хотелось любви и разрушения. Краснощёкий, оплывший приподнялся на локти, потом нерешительно, как медведь, опёрся на лапы и встал, тяжело вздохнув. Товарищи мельком взглянули на него и опять с той же пристальностью уставились на Зиночку. „Мне страшно“, — одними губами сказала она. Не слыша слов, Немовецкий понял её по тяжести опершейся руки. И, стараясь

25 ANDREJEV, L. N.: *Sobranije sočinienij: v 6 t.* Т. 1. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1990, s. 359.

сохранить вид спокойствия, но чувствуя роковую неотвратимость того, что сейчас случится, он зашагал ровно и твёрдо. И три пары глаз приблизились, сверкнули и остались за спиной. „Нужно бежать, — подумал Немовецкий и сам ответил себе. — Нет, нельзя бежать“. „Совсем дохляк парень, даже обидно, — сказал третий из сидевших, лысый, с редкой рыжей бородой. — А девочка хорошенькая, дай Бог всякому“. Все трое как-то неохотно засмеялись»²⁶.

Прежде всего, обратим внимание на первый из приведённых фрагментов: одна женщина сидит, заложив ногу за ногу, другая — полулежит возле неё. Увидев идущих мимо Немовецкого и Зиночку женщины отпускают по их адресу, а главное — по адресу юной и чистой Зиночки, грубые шутки. У Толстого один из «элементов» сидит на бревне и жуёт французскую булку, другой — грудастый и губастый парень — лежит рядом «навзничь». Миновав их, Даша слышит, как лежащий произносит ей вслед: «Филипп, вот бы нам такую», на что другой отвечает ему «с набитым ртом»: «Чиста очень. Возни много». С нашей точки зрения, в рассматриваемом эпизоде Толстой почти буквально «цитирует» этот фрагмент андреевского рассказа, повторяя его позами персонажей, ролями в эпизоде, контурами и настроением произнесённых пошлостей и т. д.

Второго андреевского эпизода в романе Толстого как будто бы нет, если не считать попытки Говядина снять с Даши туфлю и вскоре после этого увиденной Дашей на другом волжском берегу сцены с участием голого человека, «непристойно и злобно» тянувшего в воду сопротивляющуюся женщину, повторявшую: «Пусти, юбку оборвёшь». Тем не менее, этот андреевский эпизод в романе Толстого есть — он присутствует в сознании и в памяти Даши, прекрасно знающей, чем могла закончиться её прогулка с Говядиным, и именно поэтому — отреагировавшей пощёчиной на его попытку снять с неё туфельку.

Есть, кстати, в романе Толстого и не очень заметный невооружённому взгляду, но — небезразличный для заинтересованного, намёк на аллюзию к этому андреевскому рассказу: «Предположим, что я не хочу сдерживать свои красивые инстинкты, — отвечает Даша Булавина на слова соблазняющего её Говядина, — тогда что?»²⁷. И сразу после этого следует такая фраза: «Её разогрело солнце, и было так хорошо глядеть в небо, в солнечную пыль, наполнившую всю эту синюю бездну, что не хотелось ни думать, ни шевелиться»²⁸. Эта «синяя бездна», вдруг открывшаяся Даше и отражающая ту, другую, бездну, в которую призывает заглянуть её Говядин («Загляните

26 Там же, с. 361–362.

27 TOLSTOJ, A. N.: *Sobranije sočinienij: v 10 t.* Tom 5. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1983, s. 94.

28 Там же.

вглубь себя, и вы увидите, что среди предрассудков и лжи в вас горит естественное желание здоровой чувственности»²⁹), — не аллюзия ли это к «Бездне» Андреева?

А теперь — о том, как и почему возникли Л. Н. Андреев и его «Бездна» в волжском эпизоде трилогии А. Н. Толстого.

Дело в том, что одним из прототипов Семёна Семёновича Говядина стал нотариус А. А. Смирнов — тот самый Смирнов, который — и Толстой, скорее всего, прекрасно знал об этом — был не просто знаком, но и дружен с автором «Бездны», ещё в 1905 году опубликовал статью о нём в «Русской мысли», был автором ряда других публикаций об андреевском творчестве, открыто симпатизировал в своих публикациях Андрееву и т. д. Таким образом, вполне логично, что, отправляя Дашу на прогулку с Говядиным, Толстой «пристроил» к ним в попутчики и Андреева, имя которого ещё с юношеских лет прочно ассоциировалось в его сознании с именем А. А. Смирнова (Треплева).

Но были, с нашей точки зрения, и ещё несколько причин, заставивших Толстого самому вспомнить об Андрееве и напомнить о нём внимательному читателю «Хождения по мукам».

К работе над «Хождением по мукам» А. Н. Толстой начал в июле 1919 года, «сразу по приезде в Париж, на даче Скирмунта в Севре, где обосновалась семья писателя»³⁰. В сентябре этого же года в местечке Мустамяки, на даче у своего друга Ф. Н. Фальковского скончался от паралича сердца Л. Н. Андреев. Могло ли это событие взволновать Толстого, который был знаком с ним лично³¹, имел общих знакомых, и, наконец, хорошо знал его книги³²? Ответ на этот вопрос представляется очевидным: да, могло. Отсюда вытекает и другой вопрос: каким образом один писатель, находящийся вдали от дома и от тех, с кем он мог бы вспомнить об ушедшем и разделить таким образом горечь утраты, может почтить память другого, ставшего фактически жертвой — причём, одной из первых жертв — того режима, от которого Толстой бежал за границу? Ответ и здесь представляется также очевидным: он может сказать собрату по перу «спасибо», причём сделать это в том произведении, черновики которого

29 Там же.

30 VORONCOVA, G. N.: *Roman A. N. Tolstogo «Choždenije po mukam» (1919–1921). Tvorčeskaja istorija i problemy tekstologii*. Moskva: IMLI RAN, 2014, s. 61.

31 См. об этом: DYMOV, O.: *Ot Ajsedory Dulkan do Fedora Šaljapina. Vspomnilos', zachotelos' rasskazat'...* Moskva: Mosty kul'tury / Gešarim, 2012, s. 52–58. См. также: ČUKOVSKIJ, K. I.: *Sobranije sočinenij: v 15 t. Tom 5. Sovremenniki. Portrety i ètjudy*. Moskva: Terra-Knižnyj klub, 2001.

32 О «литературных взаимоотношениях» А. Н. Толстого и Л. Н. Андреева см.: RUDNEV, A. P.: *A. N. Tolstoj i L. N. Andrejev: k istorii literaturnych otnoženij*. In: A. N. Tolstoj. *Novyje materialy i issledovanija*. Moskva: Nasledije, 1995, s. 120–131.

лежали сейчас на его рабочем столе. Именно это, как нам представляется, и сделал Толстой, зашифровав своё «спасибо» понятными далеко немногим из его читателей аллюзиями и реминисценциями из сочинений Андреева. Это — причина номер один, а есть и причина номер два.

Вторая причина, заставившая А. Н. Толстого вспомнить об Андрееве и его «Бездне», представляется нам следующей. Задуманный в дни исторических потрясений и написанный в эмиграции, роман Толстого стал для самого писателя попыткой своеобразной ревизии пережитого и понятого, подведения итогов и поиска новых жизненных перспектив. Не последняя роль в этом подведении итогов принадлежала переоценке тех ценностей, которые были восприняты юношей Толстым от родителей и того круга, который и был кругом его матери и отчима — А. Л. Толстой и А. А. Бострома. Представлявшиеся юному Толстому заслуживающими доверия, ныне, после всего случившегося, многие из этих ценностей оказались не столь безусловными, а подчас — и просто мнимыми. Прежние авторитеты потускнели, а в былых идеалах обнаружилось много спорного и безжизненного. Да и могло ли быть иначе, если итогом, к которому привели многолетние дискуссии, когда-то спровоцированные Леонидом Андреевым и его современниками, стал крах государства и трагедия сотен и тысяч его граждан? Во всяком случае, именно так воспринимал эту ситуацию А. Н. Толстой, который решил теперь не просто вспомнить об ушедшем из жизни старшем собрате по перу, но — свести с ним счёты, с ним и с теми, кто был связан в сознании Толстого с автором «Бездны» и вместе с ним нёс ответственность за происходящее теперь в России.

Как Толстой эти счёты свёл? Очень просто: он соединил Андреева — через аллюзии к его «Бездне» — с развратником Говядиным и, соединив, высмеял мнимую современность и Говядина, и Андреева вместе взятых, показав, что вся их «современность» — вовсе никакая не современность, а пустословие, преследующее единственную цель — совратить наивную юную девушку Дашу Булавину, которая, впрочем, не поддаётся на эти соблазны, а даёт совращающему её Говядину звонкую оплеуху. Вот этой оплеухой Даши Булавиной Говядину и завершились «самарские» прогулки Леонида Андреева с его современниками.

Литература:

- ANDREJEV, L. N.: *Sobranije sočinenij: v 6 t. T. 1.* Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1990.
- BOSTROM, A.: *Čto govorit roditel'skomu serdцу rasskaz Andrejeva «V tumanе»?* Obrazovanije, 1903, № 12.
- ČUKOVSKIJ, K. I.: *Sobranije sočinenij: v 15 t. Tom 5. Sovremenniki. Portrety i ètjudy.* Moskva: Terra-Knižnyj klub, 2001. ISBN 978-5-44670-015-8.
- DYMOV, O.: *Ot Ajsedory Dulkan do Fedora Šaljapina. Vspomnilos', zachotelos' rasskazat'...* Moskva: Mosty kul'tury / Gešarim, 2012. ISBN 978-5-93273-348-4.
- Gor'kij i Leonid Andrejev. *Neizdannaja perepiska.* Literaturnoje nasledstvo. Tom 72. Moskva: Nauka, 1965. 630 s.
- L'VOV-ROGAČEVSKIJ, V.: *Dve pravdy. Kniga o Leonide Andrejeve.* Sankt-Peterburg: Knigoizdatel'stvo «Prometej» N. N. Michajlova, 1914.
- OKLJANSKIJ, Ju. M.: *Šumnoje zacholust'je. Iz žizni dvuch pisatelej.* Kujbyšev: Kujbyševskoje knižnoje izdatel'stvo, 1982.
- PAVČINSKIJ, È. I.: *Zametki čitatelja. «Krasnyj smech».* Samarskaja gazeta, 1905, № 42, 23 fevralja.
- PEREPELKIN, M. A.: *«D'javol'ski čestoljubiv»: ob odnoj karakteristike doktora Bulavina.* V interesach goroda — v interesach každogo — 2019. Materialy III otkrytoj gorodskoj naučno-praktičeskoj konferencii. Saransk: Partner, 2019.
- PEREPELKIN, M.: *Kuda tečet Volga.* Kul'tura. Svežaja gazeta, 2020, № 4 (177), fevral'.
- RUDNEV, A. P.: *A. N. Tolstoj i L. N. Andrejev: k istorii literaturnych otnošenij.* In: A. N. Tolstoj. *Novyje materialy i issledovanija.* Moskva: Nasledije, 1995.
- SMIRNOV (TREPLEV), A.: *Kak Maksim Gor'kij načal svoju kar'jeru. Žizn' v Samare.* Bjuulleteni literatury i žizni, 1913, № 3.
- SMIRNOV (TREPLEV), A.: *Teatr duš. Stichi. Kritičeskije ètjudy. Vospominanija. Pis'ma.* Samara: Izdatel'stvo «Samarskij universitet», 2006.
- SMIRNOV (TREPLEV), A.: *Kak Maksim Gor'kij načal svoju kar'jeru.* Rul', 1913, № 424, 9 sentjabrja.
- SMIRNOV (TREPLEV), A.: *Teatr duš. Stichi. Kritičeskije ètjudy. Vospominanija. Pis'ma.* Samara: Izdatel'stvo «Samarskij universitet», 2006.
- TOLSTOJ, A. N.: *Sobranije sočinenij: v 10 t. Tom 5.* Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1983.
- TREPLEV, A.: *Iz žizni i literatury. Tragedija anarchizma («Savva» L. Andrejeva. «Znanije». XI).* Obrazovanije, 1906, № 11, 2-j otdel.
- TREPLEV, A.: *Razorennaja žizn'. Rasskazy L. Andrejeva s točki zrenija žiznennoj èvoljucii.* Russkaja mysl', 1905, № 4, otdel 2-j, s. 1–23; № 5, otdel 2-j, s. 41–73; № 6, otdel 2-j, s. 90–110; № 9, otdel 2-j, s. 103–133; № 11, otdel 2-j, s. 21–53.

VORONCOVA, G. N.: *Roman A. N. Tolstogo «Choždenije po mukam» (1919–1921). Tvorčeskaja istorija i problemy tekstologii.* Moskva: IMLI RAN, 2014.

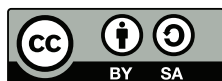
About the author

Mikhail Anatolievich Perepelkin

Samara National Research University, Faculty of Philology and Journalism, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Department of Theory and History of Journalism, Samara, Russia

mperepelkin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.